

Надежда
Чернова

ПОСЛЕДНИХ ВРЕМЁН СОГЛЯДАТАЙ

(о творчестве Валерия Михайлова)

Есть читатели, которым никогда не угодишь и которые переменчивы в своих пристрастиях, точно избалованная, капризная кокетка. О таких читателях писал незабвенный Козьма Прутков в басне «Разница вкусов»:

Тебе, дружок, и горький хрен – малина,
А мне и бланманже – полынь.

Эта вечная читательская оппозиция, которая не может отличить хрен от малины, весьма активна в выражении своего мнения. Благодарный читатель обычно восхищается молча, с дрожащей на ресницах слезой, а оппозиция бурно спорит в кулуарах, а то и в прессе, а уж в Интернете – хлебом не корми, только бы наговорить гадостей, пользуясь тем, что она невидима, что нельзя поглядеть в её безумные глаза. Чаще всего это даже и не читатели, которые изначально бескорыстны, а неудавшиеся писатели, которым никак не даются лавры, или даются, но меньше, чем критикуемому автору книг. В любом случае, это люди тщеславные, а тщеславие не всегда двигатель творчества, часто это – проявление комплекса неполноценности, т.е. болезнь. Например, один мой знакомый, человек не безталантный и даже известный, но всё же не ставший Нобелевским лауреатом, как мечталось, так вот он, читая классиков, а также нас, грешных, с удовольствием всякий раз вылавливал разные огрехи стиля или неточности житейских наблюдений. А уж если встречались издательские опечатки, буквально ликовал, будто открыл новую Америку! (Нам и со старой-то неизвестно, что делать...)

Есть такая порода людей. О них ещё говорят, что они найдут пятна и на солнце. Именно на разных «солнцах» они и разыскивают пятна: а пусть не спят глаза!

Не избежал участи такого «солнца» и наш казахстанский поэт Валерий Михайлов, который последние лет тридцать блистательно работает и в поэзии, и в прозе, его узнал весь мир – печатают и в России, и в Германии с Англией он переведён, и на родине удостоен самых высоких почестей. Радоваться бы! Ан нет, читательская оппозиция потеряла покой.

Чем же недовольны критики? А недовольны они тем, что, по их мнению, в произведениях Михайлова мало энергии и страсти, мало струн, мало красок. Но поэма «Русский хаос», стихотворение «Хлебников», эссе о Павле Васильеве

полны такой энергии и страсти, что дух захватывает. Там столько красок, столько разных струн! Вот хотя бы строфы из «Русского хаоса»:

Кудлатый, звероватый, бородатый,
 Башку готовый чёрту проломить,
 (Хоть водятся в волосях чертенята),
 О Русский Хаос, сам собой богатый,
 И сам собою, как вулкан, чреватый,
 Тебя ль порядок не хотел сломить?
 Яришься ты, как по весне Ярило,
 Огнём ты пожигаешь, как Чурило,
 И рыкаешь громами, как Перун.
 Берёзами тебя заговорило,
 Снегами по макушку завалило,
 Разбередило Душу пеньем струн...

И так можно цитировать всю поэму – каждая строка точна и упруга, как выстрел, каждая строка – музыка ослепительной грозы.

А вот запев эссе о Павле Васильеве «Сердце нараспев»:

«– Ва-а-а-и-и-иль-е-ев!

Ветер свищет в этом синем, протяжном, зовущем «и-и», и небо высокое в нём ещё гуще, синее, а потом, на далёком излёте – разряженной, пустынное, как выцветающий ситец. А в звуке «е-е» тоска, темнеющий вечер, горе, безнадёжность...

– Па-а-а-а-е-е-ел!

Ястреба отверстых гласных улетели ввысь и пропали, канули где-то вдали. Ни отзвука в ответ, словно они растворились в высоте. Лишь беззвучно, словно в зареве заката, в его сине-фиолетовом океане это ножевое, слабеющее «е-е-е», пока не исчезнет насовсем.

Не дожждаться... – не откликнется он.

А ведь было время – как бился изнутри в одном его крепком имени живой огонь жизни. Ветер вольно веял в нём степными цветами, сладостно горчащим полынком, резкой горькой полынью с её золотыми пахучими соцветиями-солнышками, и тёмно-синие мускулы иртышской стремнины играли в переливах упругих волн, посверкивая серебристыми хребтами осетров и стерлядей и малиновыми искрами язевых и окупёвых плавников, и тень огромного крыла плыла по ковылям и светло-сизым полынкам, по изжелта-белому горящему солончаку, и слышался в этом имени шёлковый, свежее-зелёный шелест пойменных лугов, и в розово-сиреневом тёплом сиянии млели покатые курганы и холмы, а за ними отстранённо синели зубчатые горные перевалы... Звяки бубенцов на лихих тройках, серебряное ржание лошадей, на речном берегу смех и напевы девок в цветастых продувных сарафанах, тяжеломедный рёв колоколен, бодрые строевые песни бородатых казаков... – ах, как много слышалось и виделось в этом ладном имени «Павел Васильев», солнечно-щедро напоённом яркими и сильными образами и напевами, каким-то вечно-незакатным, горячим и живым русским словом...»

Какие эпически-широкие, сильные мазки, как много ярких образов и музыки услышал Михайлов в одном только имени поэта!

Имени он придаёт особое значение, считая его сакральным. Давая имя человеку, мы – устами Бога, может быть, – нарекаем ему судьбу, загадываем его

жизненный путь. Об этом пишет В.Михайлов и в своих книгах о Лермонтове и Боратынском, и в эссе о Юрии Кузнецове, ссылаясь на изречения духовных мыслителей. «По убеждению о. Павла Флоренского, имя действительно направляет жизнь личности по известному руслу и не даёт потоку жизненных процессов протекать где попало», – пишет он. И вот, вслушиваясь в имя Павла Васильева, В.Михайлов прочитал его жизнь. В коротком отрывке – весь человек. Это похоже на то мгновенное и при этом целостное видение прожитой жизни, как бывает в минуты сильнейшего потрясения, когда – говорят – вся жизнь проносится перед глазами, без слов и рассуждений: только образы, звуки, ощущения. Многие ли умеют это облечь в слова, в нашу бедную речь? А В. Михайлов умеет.

В лирических своих стихах Михайлов, конечно, более спокоен, чем, скажем, Павел Васильев, или самые яркие последователи Васильева – Сергей Марков, Валентин Устинов, Владимир Цыбин. Но у Михайлова другая творческая стихия. Лирика его сродни негромкой, задумчивой природе России – её чёрно-белого Севера, берёзовых, стыдливых в своей девичьей красе лесов средней полосы, её поволжских лугов в мелких звёздочках первоцвета. Это не протуберанцы красок черноморского юга или нашей горячей Азии, где всё – чрезмерно, всё – через край. И магия его поэзии не в ослепительных солнечных взрывах, а в тонком лунном свете, который разлит между строк. Свет этот, неуловимый, призрачный – «Она была прозрачна, как туман», – опять-таки невыразимый человеческой речью, Михайлов умеет запечатлеть, умеет, как и музыку, перевести с небесного языка на русский. Он слышит песню запредельного, «немого пространства», и земное пение слышит он: «Смолистые кедры под ветром поют на горе, / Несметные иглы трепещут в живом серебре, / И ночь осыпает их звёздами, светом полна, / И песню единой насквозь пронзена глубина...» И среди единой песни мироздания, как детская дудочка, как небесная свирель, звучит это:

– Пети, пети, пети! – птица за окном.
Мир зелёный зрети под живым крылом.
Воздухом дышати, свежим, как трава.
В синеву взмывати, как весной листва.

Всё на этом свете – только для того,
Чтобы жизнь воспети в милости Его,
Всё Ему воздати... – а там станет звать:
– Спати, спати, спати! – ласковая Мать.

Как просто, как трогательно, всего в восьми строках поэт сказал о земном и небесном пути человека. Б.Пастернак когда-то воскликнул, что он хотел бы написать восемь строк о свойствах страсти, потому что был озабочен сиюминутным и тленным. Восьмистишия Абая тоже о страстях, но уже мучительных, уже на пути к очищению Души. Восемь строк В.Михайлова – восемь птиц, обживающих стреху Небесного Дома, который построил Поэт: «Дом небесный себе я построил, / И туда никого не пушу...» – никого из огневища земных страстей, никого – из чертога лукавого.

Музыкальность его Слова идёт из глубин русской культуры, когда и стихи, и проза пелись. В ритмизованной прозе «Слова о полку Игореве» безымянный автор говорит:

«Пусть начнется же песнь эта по былям нашего времени, а не по замыслению Бояна...»

Песнь! Неразрывны Слово и Музыка у славянских сказителей былины, у певцов «Калевалы», у степных акынов. Это единое понятие – СловоМузыка. Древние люди были ближе к Природе, чем мы. Они слышали звучание небесных сфер, и перенимали это звучание, и переносили в своё творчество.

Священнослужители, опираясь на Святое писание, утверждают, что ангельские не говорят – они поют, и люди, перешагнувшие черту земной жизни, встречают и узнают своих почивших родных не по облику (облика больше нет), а по словам. «Они облачены в слова», – говорит Писание, т.е. облачены в созвучия, в музыкальные вибрации. По ним и узнают там друг друга Души. И музыка эта не ограничена известными нам семью нотами – она беспредельна. И когда В.Михайлов пишет: «Скажи, ЛЮБЛЮ, покуда не забыл, / Ведь позабудешь даже это слово / ТАМ нету слов сказать, что ты любил, / ТАМ всё летит безмолвно и сурово», то он, мне кажется, не совсем прав – ТАМ всё летит не безмолвно, ТАМ как раз всё звучит, и, прежде всего, о любви, любовью пронизано. И не случайно убеждение православных: Бог – это любовь. А любовь – это СловоМузыка. Любовь и на земле-то распознаётся необъяснимым, «седьмым» чувством, небесным дуновением, хотя учёные всё пытаются говорить о какой-то химии и физике любви. Это музыка, которую нельзя разъять на ноты – нет таких нот! Это отклик на волшебное многозвучие Небес. Да поэт и сам не раз говорит о беспредельности любви, о многозвучии Вселенной, взять хотя бы его стихотворение «Хлебников»: «Земля ладью в космосе летела. / Весь мир был Слово. Это Слово пело, / И волны бились чередой в эфир. / Лишь песня неподвластна злу и тленью...». И в другом стихотворении – «Свободное дыхание»:

В меня влетают, откуда не возьмись,
тысячи разных звуков и голосов,
И уносятся вместе со мной
в некоем могучем согласном хоре,
Потому что там, где гудит ветер в небесах,
нет дистиллированной чистоты
Какого-нибудь одного голоса,
размеренного по считанным ноткам...

Но согласна, что надо при жизни непременно сказать о любви, а главное – любить, чтобы на небесах Душа твоя была облачена в музыку любви.

А ещё у Душ, облачённых в Слова, есть запах. На В.Михайлова произвели глубокое впечатление размышления священника Сергея Дурылина, в том числе, и о «запахе Душ». Михайлов много страниц своей книги «Один меж небом и землёй» посвятил этому замечательному человеку, прозрения которого долго таились в его бумагах и открыты были сравнительно недавно. Видно, под впечатлением от рукописей Дурылина, мысли которого совпали с мыслями самого В.Михайлова, поэт написал стихотворение «Запах Душ», где есть такие строки:

«Как дивно пахнет детская Душа! / Она, как свет любви, благоуханна... / В лучах добра и чистой красоты, / В младенце воздух рая осязаешь, / Неслыханные неба ароматы... / Чем в человеке менее дитяти, / Тем отвратительней Душа смердит...»

И в другом стихотворении: «Сторонился, как мог, смрадных Душ...» он пишет о том же.

Помнишь Душу свою дословесную,
Неземную ещё, поднебесную,
Как она ощущеньем жила,
Слово чуяла и не лгала...

На земле тихо ягоды спеют
И зарёю внутри розовеют,
И по лугу плывёт налегке
Земляника в парном молоке.

Это память о млечном тумане,
Ране жизни и совести ране...
Это Слово зарёю во мгле,
Как последняя искра в золе...

Я намеренно у Валерия Михайлова выделяю «Слово» и «Душа», пишу их с заглавной буквы, как имена собственные, ибо они у него такие и есть.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», – так начинается Евангелие от Иоанна. Бог облачён Словом, которое не только звучит, но ещё и светится. Слово было в начале начал и всегда будет, ведь конца, как такового, нет. Это Михайлов твёрдо знает, об этом сказал он в недавнем своём стихотворении «Облако»:

«Ничто из возникшего здесь вовсе не исчезает: / Ни чувства, ни думы, ни даже текущая плоть. / Вон облако где-то кочует и, тая, не тает, / Пронизано светом оно изнутри, где таится Господь. / Там всё, что тут прожито, понято и пережито / И мною, и всеми – от разума озарений до полутёмной мыслинки сырой, потайной. / Там целое жизни, то, что в мире давно сожжено и разбито... / И облако это куда-то летит бесконечно над брэнной твоей головой...» – длинная, эпически-торжественная строка, почти надмирное песнопение, будто эхо пришло от древнерусских Боянов или церковных псалмов.

* * *

Обвиняют критики В.Михайлова и в том, что он пишет только о себе, умудряясь при этом ничего не сказать о своей бытовой жизни, подробную биографию его мы не знаем, о любви не хочет говорить: уж больно скрытный!

Пишет только о себе? Но все поэты пишут о себе. Другое дело, насколько преломляют в творчестве остальной, многообразный мир, какой спектр человеческих чувств открыт им, как глубоко они понимают человека и видят ли в нём отражение Бога. Ведь когда Пушкин говорил с досадой о Байроне: «Как будто нам уж невозможно / Писать поэмы о другом, / Как только о себе самом», то имел в виду, вероятно, именно это: узкий кругозор, скудость природы, ограниченность только земным бытием.

Стихи «о себе» В.Михайлова – это не самолюбование. Это самопознание, а через себя – и познание огромной Вселенной, видимой и невидимой. А ещё – это запечатлённая в Слове молитва о спасении Души:

«Прости мне, Боже, всё несовершенство, / Изломанность мою, недоброту... / Душа моя болит и кровоточит, / Во тьме кромешной ей исхода нет... / В тюрьме молчанья слаб я и преступен, / Освобожденье – правду говорить... / Отравлен воздух трусостью и ложью, / И с каждым днём всё тяжелей дышать. / Не дай, Господь, утратить искру божью – / Возможность жить, а не существовать...», «Ведь я, как купчишка, протратился, / И все перебил зеркала...», «В страстях я умом помрачился...», «Слёз о себе не лью, не лью, / Грязь не смываю...» (помните, у Пушкина «И горько жалуясь, и горько слёзы лью, / Но строк печальных не смываю...?»), «Зачем рождён уродом обонянья? / Бежал, бежал всю жизнь смердящих Душ, / От всех ушёл... Но от себя – куда?!.. / Душа моя смердит ещё слышнее, / И Это наказание всех пуше!..», «Всей-то Душой ты кровоточащей помнишь, / Что ни единый грешок никогда не замолишь...», «Ангел мой, ты от меня устал...»

Какое уж тут самолюбование! Тут Страшный суд, тут, неотделимое от остального мира, от Русского Хаоса, хождение по мукам. И если поэт даёт внешний образ Русского Хаоса, то это и образ самого поэта, в котором смешались и тьма, и свет. «В судный час, когда рушатся крыши / И смещаются материки», когда наши Души летят, как щепки, «В душевной пене безумных времён», он воин – «... Только воин / Не жилец, ибо должен служить...» «Один меж небом и землёй», бьётся он с земными пороками, он «зияющая рана» совести, он «последних времён соглядатай»:

Личиною гусяр, плясун, кудесник,
 Ты ликом столпник и монах отшельник,
 Ты странник по судьбинушке земной.
 От синя моря и до океана,
 Зияешь ты, дымящаяся рана
 Бездомной своей совести больной...

* * *

Ничего не знаем о бытовой жизни Михайлова? Но впускал ли свою бытовую жизнь в стихи Афанасий Фет? В быту он был весьма предприимчивым человеком, искал чинов, богатства, женился по расчёту на состоятельной купчихе, бросив любимую – музыкально одарённую, трепетную, которая погибла, не пережив разрыва, боролся за возвращение своего благородного имени Шеншин, от которого в 14 лет отлучил его отец, заподозрив, что он не его кровный отпрыск. И, слава Богу, что отлучил! Как бы нелепо теперь звучало – поэт Шеншин! Куда лучше – Фет. Жизнь его бытовая была полна суеты, и не имела никакого отношения к творчеству, никак не соприкасалась с ним, что ещё раз подтверждает божественное происхождение таланта, над которым поэт не властен, и не может объяснить в себе этот огонь, который вырывает его из низменной жизни и возносит на небеса в минуты вдохновения. Некоторые поэты, возносясь, всё же не порывают связи со своей бытовой жизнью, а вот Фет отрывался от быта полностью – забывал «заботы суетного света», забывал себя. Критики его времени отмечали, что Фет больше других поэтов говорил о звёздах, разве что Лермонтов ещё, с его «и звезда с звездою говорит», «спит земля в сиянье голубом» – с его взглядом на землю из Космоса. Оттуда же глядел и Фет в минуты вдохновения – когда отрывался от земных забот и страстей. Он был непонятен современникам, и его книгу «Вечерние огни» не раскупили. Только век спустя он по-настоящему пришёл к читателю. Так

же непонятен был современникам и Данте с его запредельным зрением. Великого итальянца прочитали вообще через несколько столетий.

Открываю наугад «Вечерние огни» Фета, стих XLVIII, написанный 17 июля 1887 года – за пять лет до кончины (он прожил 72 года: в ноябре 1820 года родился – в ноябре 1892 ушёл):

Всё, всё моё, что есть и прежде было,
 В мечтах и снах нет времени оков.
 Блаженных грёз душа не поделила:
 Нет старческих и юношеских снов.
 За рубежом вседневного удела
 Хотя на миг отраднo и светло,
 Пока душа кипит в горниле тела,
 Она летит, куда несёт крыло.
 Не говори о счастье, о свободе
 Там, где царит железная судьба.
 Сюда! Сюда. Не рабство здесь природе –
 Она сама здесь верная раба.

Самозабвенен и Михайлов, он тоже часто «за рубежом вседневного удела», где «нет времени оков» и Душе открыт небесный путь: «Земля становится пустыней, / Стою у неба на краю...» Этим и Хлебников его, наверно, привлёк, и Михайлов написал о нём, как всегда, точные, отточенные до алмазного блеска, строки:

Земного Шара нищий Председатель,
 И волн хвалыньских трепетный вниматель,
 Священник пылкий полевых цветов,
 Птиц собеседник, облаков избранник,
 Небесной воли бескорыстный странник,
 Земных не знавший никаких оков...

Новизна поэзии Валерия Михайлова, как и поэзии Фета, и Велимира Хлебникова, в осознании себя не только в ограниченном, земном мире, но и в бесконечном – космическом, на краю которого поэт стоит, слыша музыку вечности. Он остро чувствует «конец времён», пишет в поэме «Годовая свеча»:

Есть Время Бессмертное, то, в ком покоится Бог,
 Оно не прейдёт никогда, бесконечно живое.
 Всему остальному отмерен пылающий срок.
 Молитесь! Сжимается смертное время земное.

Этот «конец времён» надвигается на мир людей, переполненный грехами и бевосскими соблазнами, и потому «сжимается смертное время земное», ускоряя полёт в бездну. Когда наши «времена» рухнут, откроются новые – чистые, где уцелевшие после падения «времён» Души начнут иную жизнь, неизвестную нам, которую мы не можем пока себе даже представить, в силу своего и духовного, и мыслительного несовершенства. Поэт чувствует это, обращаясь к своей Душе:

Зачем, Душа бессмертная, почто
 Ты прячешь от меня всё то, что знаешь?

Быть может, не по силам знать нам то,
Что лишь на миг ты тут приоткрываешь.

Прячет, но всё же и приоткрывает, всё же обещает новую жизнь, и те, кто сумеет построить Небесный Дом, войдут в него полноправными хозяевами. Валерий Михайлов строит такой Дом, в основу которого положена «Неба живая ось», и поэт уже выглядывает из синих его окон, и видит:

Во мгле, где ни ответа, ни привета,
Я вижу столп струящегося света,
Пронзившего слепую темь насквозь –
То Божий знак в дымящемся тумане,
То перст судьбы в незаживлённой ране,
То Неба на земле живая ось.

И своё дело поэта он видит не в том, чтобы прославиться, чтобы называться Поэтом, чтобы остаться в памяти поколений. Нет, дело не в этом, «А в том, чтобы небо запело, / Там, на смыканья краю, / Душу почуяв свою...»

И всё же, по стихам В.Михайлова можно проследить не только запредельную, а и «вседневную» биографию поэта. Он рассказал и о дедах своих, раскулаченных и сосланных в нашу Степь, в карагандинские шахты, и о матери – о ней самые нежные строки, особенно в стихотворении «Жавороночки», и о детстве своём, с тайной коровьего ока, и о друзьях, с которыми можно посидеть у ночного костра, где в золе печётся картошка и поют цветы, и ночь поёт, звучит музыкой звёзд, написал он и о драмах сегодняшнего дня – развале СССР, наступлении бесовской тьмы, единоборстве русского Духа с этой тьмой, о вечной войне, что нестерпимой болью отзывается в сердце и Слове поэта, и о многом другом. Поэзия его – это тот случай, когда можно сказать словами классика: «Здесь человек сгорел!» Но точно птица Феникс, Душа его возрождается из пепла: «Душа, ты сгорела бы вроде, но снова воскресла...» («Облако», 2016 г.)

* * *

Теперь о любви. Согласно, о любви Валерий Михайлов почти не пишет, особенно, последние годы – в молодости писал больше, что объяснимо. Теперь же – редко, и то полны его любовные строфы разочарования: он так и не встретил ту, единственную, которая снилась ему и грезилась наяву: «Предзакатная алость. / Ускользящий свет. / Ты мне только казалась, / Той тебя вовсе нет...», «Я встретил вас, да лишь тебя не встретил, / Зачем-то разминулись мы с тобой...»

Его теперь не прельщают «Ни Моны Лизы лик лукавый, / С её улыбочкой лесной, / Ни Саскии золотоглавой / Зов простодушный и хмельной, / Ни блеск прелестниц лучезарных...» И лишь Сикстинская Мадонна с младенцем волнует его по-настоящему, как и многих поэтов волновала во все века. Есть версия, что пушкинское «Я помню чудное мгновенье...» посвящено вовсе не ветренице Анне Керн, хоть и выбиты эти слова на её надгробии, а Мадонне. И жену свою, Наталью Николаевну, хотел поэт видеть тоже Мадонной, но и она не смогла сравниться с идеалом, и он в шутку называл Натали «моя косенькая Мадонна» (глаза у Натали слегка косили). Мадонна, но всё же не совсем совершенная, всё же – косенькая, и Мона Лиза – похожа на Мадонну, да не Мадонна – лукава, с улыбочкой лесной,

как у порочной нимфы, а Поэты жаждали идеала – гения чистой красоты, искали небесную любовь. Но знали они и о глубине любви земной, иначе бы их строки об идеале были мертвы. Нет, они наполнены живым огнём. Знает и Михайлов. Вот как сказано у него в книге «Один меж небом и землёй»:

«Любовь – это когда душа всклень, любовь изливается сама из себя и не убывает при том, а будто многократно возрастает, и полнится, и заполняет собой весь мир».

Такое трудно сочинить. Это надо пережить. Да, он молит Всевышнего в стихотворении: «Как цветенье луга, осень, вьюга...» об освобождении от земной, неверной любви, просит опустить «на узы светлый меч», рассечь их, потому что прорастание душ друг в друга болезненно и противоестественно для Поэта, выбравшего одиночество, служение Слову, как монах выбирает служение Богу и отречение от мирской, тленной жизни – ради жизни вечной:

Как цветенье луга, осень, вьюга,
Ты прошла, жалея и кляня.
Наши Души проросли друг в друга.
Господи, освободи меня!

Умасти пустырь травой забвенья,
Опусти на узы ясный меч.
Дай услышать неземное пенье
И в молитве кровию истечь.

Тленно всё, что может измениться,
Вечно только лишь в Твоём доме.
Дай же мне Душой не прилепиться
Больше ни к кому и ни к чему.

Написаны эти строфы в конце XX века, в 1997 г., но и много лет спустя поэт не удерживается от земной любви, он всё равно «прилепляется» к земному, он надеется, что есть где-то та, единственная, которая может стать его судьбой, ведь если есть ОН – должна быть и Она, и поэт, прячась за иронию в стихотворении «Романс», клянётся ей: «А коль ты есть, так знай: я твой навеки! / Пусть этот мир – артель «Напрасный труд»...» Он по-прежнему, как и в молодости, влюбляется, он любит весенними девушками, он пишет о своём восторге уже в новом тысячелетии:

«Лишь солнышко весёлое пригреет, / Как разом – будто бы всю зиму ждут – / Все девушки вокруг замолодеют – / И волосы весенние цветут... О шум волос! Ты по весне слышнее, / Ты жизни цвет, ты изнутри горяч! / И чёрные – блестят ещё сильнее, / Льянные – светятся ещё светлее, / А рыжие – горят ещё теплее... / Да тут слепой – и тот проснётся зряч!.. / Блескучая, зелёная, льянная, / Горячая, кругом поёт вода – / И девушки от края и до края, / И бабочки от края и до края / Летят, летят... Кто спросит их – куда?..»

Снова магическая музыка! Женские волосы, судя по всему, имеют для В.Михайлова такое же мистическое значение, как и человеческие имена. У многих народов волосы считались средоточием Души, энергии, и у русских тоже, потому женщины должны были ходить с покрытой головой. Но когда женские волосы открыты – для поэта это сокровенные мгновения. Рассыпанные по пле-

чам, пронизанные солнцем, или бурными ручьями стекающие по груди, они приводят поэта в восторг – они для него мерило женской красоты, как в «Весне» Боттичелли, или в изображении кающейся Магдалины. Но Мадонна – Мадонна всегда в покрове.

«Прикрывает» свою Душу и В. Михайлов: он от природы человек застенчивый, стыдливый, и, может, это звучит странно в наше время – целомудренный. И стихи его о любви – целомудренны:

«...И руки, ныряя в волос золотистую пену, / Искали сокрытую нежность начала затылка... / Сквозь пальцы струились ручьи золотисто-живые, / Теплы они были, как лёгкие летние зори... / Вот всё, что я думал... а ты и не знала об этом, / И мысли мои улетели в открытое небо... / И кончики пальцев горели от прикосновенья, / Которого не было... вот и поныне горят... / Прощай и прости! То, что не было, пуще, чем было. / Зачем-то я это с таким опозданием понял... / Прости и прощай! Твои волосы вдаль улетели, / Как в небо уходят заката лучи золотые, / Сквозь них проступают, как соль, неподкупные звёзды, / И ветром ночным потянуло, и Млечным Путём...»

Какая снова музыка и какая светлая печаль! И тут же, рядом, другое стихотворение о любви: «Она была прозрачна, как туман, / Как дикий куст шиповника летуча, / И лёгкой крови сладостный дурман / Над миром встал, как розовая туча. / И воздух цвёл, как беспризорный куст, / И тяжкой свежестью дышали грозды... / И уголки её невинных уст / Приподнимались к небу, словно розы...»

Вот знаки «небесной» любви – уголки невинных девичьих уст приподнимаются к небу, хотя вокруг неистовое цветение земли. И волосы любимой, к которой Поэт прикасается только в своём воображении, боясь спугнуть чудесный образ, волосы её тоже устремляются в небо вместе с лучами заката.

Или в стихотворении «Мне снился старый двухэтажный дом...» – воспоминание о первой любви, о цветущей сирени и растворённом в сад окне, где появлялась ОНА:

«Лица не помню – так бывает в детстве: / Лишь только глянешь – и как бы ослепнешь / От света откровенного сиянья, / И более смотреть уж невозможно, / И только ощущение – близость, прелесть...»

Данте, Байрон, Пушкин, Лермонтов вспоминали о своей детской влюблённости, которая случилась в девятилетнем возрасте. Они говорили, что сильнее этой чистой, непорочной любви не испытывали уже никогда, имея немалый любовный опыт. В. Михайлов сохранил в себе чистоту детской любви. Мудрец в остальных явлениях жизни, живущий за гранью времён, в любви он – вечное дитя. «Девять лет» и двум влюблённым Михайлова из его раннего стихотворения: «Она в каком-то блеклом платье, Он в немудрёном пиджаке...» Старики, они идут, взявшись за руки, и встречная молодёжь посмеивается над ними: мол, ведут себя, будто юнцы:

И, видно, что-то есть на свете
Сильнее, чем прохожих суд.
За руки взявшись, словно дети
Или влюблённые, –
Идут...

Они для поэта прекрасны, потому что Души их благоухают «воздухом рая».

В стихах Михайлова нет откровенных любовных сцен, интимных подробностей, страстных излияний. Он стыдится выставлять себя напоказ, «расхристоваться», оттого кажется излишне сдержанным. Но род его от крестьянских корней, а там любовь свою никогда не демонстрируют, таят её от посторонних глаз, оберегают. Вот разве что за руку пройдутся среди людей, стесняясь и благоговей.

Может, по этой причине – по крестьянской стыдливости – почти не писал о любви народный поэт Александр Твардовский. И Валерий Михайлов таит и бережёт сокровенные чувства, но он – поэт, а дело литературы – бесстыдное, и требует полного обнажения, чтобы Душа наизнанку. Литература толкает докапываться до самых потаённых, самых грешных глубин человеческой сути – и своей, и чужой, заставляет препарировать человека, как делал это Достоевский, распинать человека до тех пор, пока тот не сойдёт с ума. Многие герои Достоевского, обнажённые им до дна, не выдерживают этого Страшного, этого беспощадного суда, и впадают в горячку безумия: князь Мышкин, Рогожин, Раскольников, Настасья Филипповна и т.д. Не случайно именно о Достоевском вспоминает В.Михайлов в своей поэме «Русь»:

И русский Дух, в ком зрела благодать,
 Воспетая в стихах Илариона,
 Сам сатана решил душком распять,
 Злосмрадием своим осуществлённым.
 Иудею он русский Дух растлил,
 Зерно забила грязная полова,
 В Алёше – Смердякова он взрастил,
 Словцом поганым разрушая Слово...

Достоевский и сам был безумен, страдая эпилепсией, но и гениален, с обнажённой, кровоточащей совестью: он и себя не жалел на Страшном суде, где судил своих героев. Не может, занимаясь литературой, и В.Михайлов себя жалеть, но он страдает, он с горечью пишет:

Не осталось тайны ни одной,
 Всё, что было, вырвалось наружу.
 Как я ни старался – боже мой! –
 А не пересилил свою Душу.
 Вырвалась на волюшку Душа,
 Растворилась в воздухе и свете.
 Нету за душою ни гроша,
 Только птицы, облака и ветер...

Стихи Михайлова – это постоянная исповедь: покаяние, молитва. И он открывает тайну исповеди: «Всё, что ты не расскажешь и другу, / То поведаешь речи родной...», т.е. поэтическому Слову. Но, распечатав заповедное, то, что «не расскажешь и другу», поэт, чья Душа полна «всклень», опустошается. Поэт выжигает себя до пепла. Он сжигают себя заживо в вулканическом огне Поэзии. Он становится искрой беспредельного времени.

* * *

А теперь о самом главном обвинении критиков В.Михайлова – он поэт одной темы. Критики правы: тема у В.Михайлова, действительно, одна (особенно, в последние годы), и эта тема – Душа и Бог, о чём бы он ни писал: о своём детстве, о туманах на реке Есень, о голодоморе в казахской степи или о поющих цветах.

У Петрарки тоже была одна тема: его сон, его наваждение – Лаура, дочь рыцаря Одибера, но это не делает Петрарку менее великим, а любовные сонеты его продолжают волновать сердца людей уже несколько столетий. Может, потому, что они не только о любви? Ведь как в капле воды отражается мир, а теперь наукой доказано – и память земли, так и в строке Поэта, такого как Петрарка, отражена духовная жизнь не только конкретного человека, но и Человечества.

Да, Михайлов постоянно пишет о Душе. О Душе, о православной вере, о пути к Богу, «паутину времён обирая с лица». Есть у него целые стихотворения, посвящённые Душе, и в одном из них он спорит с учёным, который лихо, одним щелчком разрешил необъяснимое, над разгадкой которого человечество бьётся столько, сколько существует. У В.Михайлова своя версия:

Учёный, этот мелкий бес,
Не ведая стыда и срама,
С безменом по Душу полез,
И объявил итог: «Три грамма!»

И ум за разум не зашёл
От пошлого, как лихо, трюка...
Вот всё, что он в Душе нашёл,
И вся спесивая наука.

...Но нет начала и конца,
И там и сям забвенья дымка,
И не покажет век лица
Душа, по праву невидимка.

Душа есть ты по существу
И неземная, небезгрешна,
Но никакому веществу
Ни капельки не принадлежит.

Она – и радость, и покой,
Она – и муки, и тревоги,
Незаходящею звездой
На все дана пути-дороги.

Душа – посланница небес.
И здесь – тоскует по Отчизне...
...А он с безменом ржавым лез,
Не понимая смысла жизни.

В нашей современной литературе, да и прежде, никто, пожалуй, так пристально и так целенаправленно не разрабатывал тему Души, не расторжимую с Небом, хотя касались этой темы многие. Значит, пришло время, а с ним – и Поэт. Тема

эта большая, и если в неё углубляться, то надо писать отдельный, основательный труд со многими доказательствами и цитатами, что невозможно в короткой статье, и потому я ограничусь только одной гранью этого магического кристалла – темы Души, в которой отражено то новое, что отличает Валерия Михайлова от его предшественников и современников. Он пытается понять, чем притягивает Душу Небо? Почему она «Здесь – тоскует по Отчизне»? Почему «Возвращается вспять, /Чтоб родное на небе обнять». Что это – родное?

Он чувствует себя пришельцем неведомых миров, искрой, залетевшей на землю из Космоса. И это не фантастика, не пустое воображение. Когда-то Циолковский догадывался об этом, и Валерий Михайлов это для себя открыл:

... Неужели мы сами себе
никогда не придумаем чистого невинного хлеба?
Единственное утешение этим мыслям,
которое для себя я как-то открыл,
Это то, что через миллиарды лет человечество
сделается лучевым...

В степях Казахстана археологи нашли наскальные рисунки с солнцеголовыми – лучистыми – человечками. Может, это и есть «лучевое человечество», каким были мы когда-то и каким снова станем через миллиарды лет? «Душа моя, свет изначальный...» (В. Михайлов). Учёные подошли к тому, чтобы сказать о нашем космическом происхождении уже определённо. Там, в глубинах мироздания, наша истинная, небесная, родина, и Душа – свет этой родины, воспоминание о ней.

Поэт то и дело беседует со своей Душой, как с близкой, сердечной подругой, или, скорее, с дочерью, по-отечески переживая за её будущее – без него: «И где тебе одной всю вечность мыкать? / Во тёплом свете? В стуже без огня?» Печалится, что в нём она нигде «укрепы не находит», что так мало он может ей дать. И она летит сквозь него, «пронизывая, как звезда, насквозь, неостановимо» – «ниоткуда в никуда». От этой печали сердце щемит. Кто ещё так писал о Душе? Я ни у кого больше не нашла. Он пишет о ней с нежностью: «...Летит лёгкой бабочкой света /Тень твоей понадмирной Души». Он слышит её чистый, девичий голос:

Тёплою свечкою в белом тумане
Голос девичий песню поёт,
И по речке в предутренней рани,
Словно чистый кораблик, плывёт.

Что за песня? Напева и слова
В белом омуте не разгадать,
Только кажется: сердце готово
Всю-то жизнь этой песне внимать.

Мир туманом затянут, как рана,
Тёплой млечною тишью дыша...
Как из белого сна, из тумана
Выплывает навстречу Душа...

Душа, как дитя, живёт в человеке. Чудом появляется в нём, зреет, и потом исторгается из брэнной плоти, и уходит, всегда уходит, как уходят повзрослевшие дети, унося в своей крови частицу тебя. Как и дитя, Душа – это автономное, самостоятельное существо, со своим нравом и характером. У В.Михайлова она «гордячка, правдолюбка, недотрога, чему-то непомерному под стать», а иногда – «как безумная молния шаровая», которая мечется, словно птица в клетке – или дитя в материнской утробе, ища выхода и стремясь туда, где «Лето Господне цветёт бесконечное лето, / И Души становятся снова частицами Духа». Мы вынашиваем свою Душу, как вынашивают ребёнка, и от нас зависит – кого мы выносим: Бога или дьявола? Вот та новая грань в поэзии о Душе, о которой я говорила.

Душа моя, куда же ты уходишь?
Летьмя-летишь или ползым-ползёшь,
Нигде во мне укрепы не находишь
И разве что из милости живёшь.

Гордячка, правдолюбка, недотрога,
Чему-то непомерному под стать...
Тебе, я знаю, суждена дорога,
Которой мне умишком не достать.

Уже недолго мне с тобой скитаться,
Ругаться вдрызг, и плакать, и роптать.
Настанет миг прощаться и расстаться:
Мне – где-то тлеть, тебе же – улетать.

И тяжко мне, томит сомненье глухо,
И проклиная я удел земной...
Чем станешь ты потом? Частицей Духа?
Или чуть-чуть останешься ты – мной?

И где одной тебе всю вечность мыкать?
Во тёплом свете? В стуже без огня?
Не думай, будто я готов захныкать:
Прошу тебя, не забывай меня!

(«К Душе»)

А вот другие строки, более оптимистичные и пророческие:

Не затем ли пространство томит пустотой,
Что прозрачен остался Твой образ живой,
Что на грани виденья и призрачной тьмы,
И растаяв уже, не расстанемся мы...

(«Образ»)

И кто знает, может, именно Валерий Михайлов приблизится к разгадке Души. «Что открыто глазам, что – прозренью очес»? Может, разгадка уже мелькает в его стихах, но мы ещё не видим её, не умеем читать? А прочитаем – и откроется нам новое знание, и оно остановит вселенский хаос. Не это ли главная тема сегодня, когда мир стоит на краю пропасти – на краю «последних времён»?

